

ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ

Часть первая ОРЕЛ ИЛИ РЕШКА?

Глава I

Я человек лояльный. Когда вижу красный сигнал «стойте», стою. И иду, только когда вижу зеленый сигнал «идите». Другое дело мой младший брат. Димка всегда бежит на красный сигнал. То есть он просто всегда бежит туда, куда ему хочется бежать. Он не замечает никаких сигналов. Выходит из булочной с батоном в хлорвиниловой сумке. Секунду смотрит, как заворачивает за угол страшноватый сверкающий «понтиак». Потом бросается прямо в поток машин. Я смотрю, как мелькают впереди его чешская рубашка с такими, знаете ли, искорками, штаны неизвестного мне происхождения, австралийские туфли и стриженная под французский ежик русская голова. Благополучно увильнув от двух «побед», от «Волги» и «шкоды», он попадает в руки постового. За моей спиной переговариваются две старушки:

— Сердце захолонуло. Ну и психи эти нынешние!
— Штаны-то наизнанку, что ли, надел? Все швы наружу.

Зажигается зеленый свет. Я пересекаю улицу. У будки регулировщика Димка бубнит:

— И паспорта нету, и денег...

Я плачу пять рублей и получаю квитанцию. Дальше мы идем вместе с моим младшим братом.

— Чудак, — говорит он мне, — деньги мильтону отдал. Вот чудак!

— Увели бы тебя сейчас, — говорю я.

— Как же, увели бы!

Димка свистит и смотрит по сторонам. Бросает пятак газировщице, пьет «чистенькую». Я жду, пока он пьет. Идем дальше. Приближаемся к нашему дому.

— Как диссертация? Назначили оппонентов? — спрашивает Димка.

— Да, назначили.

— Хорошие ребята?

— Кто?

— Оппоненты — приличные ребята? Не скоты?

— Классные ребята, — в тон ему усмехаюсь я, вспоминая оппонентов.

— Ну, блеск! Поздравляю. С тебя причитается.

Мы входим в наш дом, поднимаемся по лестнице.

— Чем сегодня кормите? — спрашиваю я.

— Не беспокойся, все твое любимое, — язвительно отвечает Димка. — Уж мы с мамочкой постарались. «Витенька любит печенку» — и я еду за печенкой. «Ему сейчас нужны витамины» — и я иду на рынок за витаминами для вас, сэр. «Он терпеть не может черствого хлеба» — и я бегу в булочную. Советские ученые могут спокойно работать, не беспокоясь насчет еды. Вот в чем секрет наших успехов. Я обеспечу вам калорийную пищу, дорогие товарищи, я, скромный работник кастрюли! Только поскорее придумайте, как забросить человека в космос, и забросьте меня первым. Мне это все надоело.

Он стал мрачно острить, мой младший брат. Мама все время пытается воспитывать его на моем положительном примере. Всякий раз, когда мы собираемся за столом всей семьей, она начинает курить мне фимиам. Оказывается, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, которые проявлялись

у меня в раннем детстве. «Без пяти минут человеком», — говорит отец, намекая на еще не защищенную диссертацию.

Тогда Димка начинает ехидничать. «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан!» — хохочет он. Несколько лет назад, когда я играл в водное поло в команде мастеров, Димка боготворил меня. А сейчас я даже не знаю, как он ко мне относится. Димка недоволен своей жизнью. Вот злится, что мать гоняет его за покупками. Я могу сказать ему, что маме надо помогать, что я сам бы помогал ей, если бы больше бывал дома, что он напрасно опустил руки и тянет выпускные экзамены на сплошные тройки, ведь надо подумать и о будущем, и вообще-то, старик, действительно надо быть немного понастойчивее. Но я не говорю ему ничего. Я только смеюсь и хлопаю его по спине. И мрачная маска, такая смешная на его семнадцатилетнем лице, сползает. Он улыбается и говорит:

— Слушай, старик, не подкинешь ли ты мне четвертную?

Я подкидываю ему четвертную.

После обеда я ухожу в свою комнату и сажусь к окну бриться. Бреюсь и поглядываю в окно. Через двор напротив сидит у окна и бреется закройщик дядя Илья. А внизу, под окном, бреется лицо свободной профессии — мастер художественного слова Филипп Громкий. Я услышал зловещее гудение его электробритвы за несколько секунд до того, как включил свою.

У нас внутренний четырехугольный двор. В центре маленький садик. Низкий мрачный тоннель выходит на улицу. Наш папа, старый чудака, провожая гостей через двор, говорит: «Пройдем через „патио“». А проходя по нашим длинным, извилистым коридорам, он говорит, что один воин с кривым ятаганом сможет сдержать здесь натиск сотни врагов. Таким

образом он выражает свою иронию по отношению к нашему дому, который до революции назывался «Меблированные комнаты „Барселона“». Я поселился здесь двадцать восемь лет назад, сразу же после выхода из роддома. Спустя одиннадцать лет то же самое сделал Димка. В нашем доме мало новых жильцов, большинство — старожилы. Вот появляется из-под арки пенсионерка княжна Бельская. Она несет бутылку кефира. Ее сухие ноги в серых чулках похожи на гофрированные трубки противогаса. Много лет княжна проработала в регистратуре нашей поликлиники и вот теперь, как всякий трудящийся, пользуется заслуженным отдыхом.

Это час возвращения с работы. Торопливой походкой заочника проходит шофер Петя Кравченко. Пробегают две девушки — Люся и Тамара, продавщицы из «Галантереи». Один за другим проходят жильцы: продавцы, и рабочие, и работники умственного труда, похожие на нашего папу. Есть среди наших жильцов и закоренелые носители пережитков прошлого: алкоголик Хромов, спекулянт Тима и склочница тетя Эльва. Преступный мир представляет недавно вернувшийся из мест не столь отдаленных Игорь-Ключник.

Все эти люди, возвращаясь откуда-то от своих дел, проходят в четыре двери и по четырем лестницам проникают внутрь нашей доброй старой «Барселоны», теплого и темного, скрипучего, всем чертовски надоевшего и каждому родного логова.

Я выключаю электробритву и смотрю на себя в зеркало.

Я выгляжу точно на двадцать восемь лет. Почему-то никто никогда не ошибается, угадывая мой возраст.

Под окном — посвистывание. По двору прогуливается друг и одноклассник моего Димки Алик Крамер. Я вижу сверху его волосы, разделенные сбоку

ниточкой пробора, очки, фестивальны́й платок на шею и костлявые плечи, обтянутые джемпером. Появляется Димка. На нем вечерний костюм и галстук-бабочка. Одетый точно так же, подходит верзила-баскетболист Юрка Попов, сын нашего управдома. Компания закуривает. Я прекрасно помню, как приятно курить, когда наконец отвоюешь это право. И ребята, видно, наслаждаются, закуривая на глазах всего дома. Но они очень сдержанны, немногословны, как истинные денди. Забавно! Впрочем, и мы были такими же примерно.

— Как дела, Юрка? — спрашивает Алик. — Поверг ты наконец реактивного Галачьяна?

— Ты же знаешь мои броски с угла, — отвечает Юрка.

— Я знаю также его проходы по центру.

— Я его зажал сегодня, — говорит Юрка. Забыв про новый костюм, он показывает, как проходит к щиту его соперник Галачьян, тоже кандидат в сборную, и как он, Юрка, зажимает его. Алик убеждает Юрку играть так, как играет всемирно известный негр Уилт Чемберлен. Димка прерывает их:

— Планы на вечер есть?

Юрка поправляет галстук и огорченно говорит:

— Конь мой сегодня дома.

Конь — это значит отец. Великая радость, когда уходит конь. Ребята бросаются к телефонам: «Хата есть!» Приезжают смиренные девочки, одноклассницы. Танцуют. Кто-то на секунду выключает свет. Ребята лезут целоваться. Девочки визжат.

— Пойдемте в кафе, — предлагает Димка.

— В кафе! — свистит Юрка. — У меня всего десятка.

— Я тоже сегодня стеснен в средствах, — говорит Алик, — двенадцать.

— Сорок, — небрежно бросает Димка.

Немая сцена под окнами.

— Мать дала пятнадцать, — поясняет Димка, — четвертную... четвертную вчера выиграл в бильярд.

— Разогни, — говорит Юрка.

— Не веришь? Выиграл у одного режиссера.

— У какого же это режиссера? — изумляется Алик. Он постоянно снимается в массовках на «Мосфильме», пишет сценарий и говорит: «У нас, в мире кино...»

— У молодого режиссера, — говорит Димка спокойно. — Забыл фамилию.

Я высовываюсь из окна:

— Добрый вечер, джентльмены! Куда собираетесь? На бал или в бильярдную?

У Димки падает изо рта сигарета. Мне почему-то хочется немного поиздеваться над ним.

— Виктор, Димка тут погибает, что у режиссера выиграл, — говорит Юрка.

— Конечно, — отвечаю я. — Дима — молодец! Не так просто выиграть в бильярд у режиссера.

— Это смотря у какого, — глубокомысленно замечает Юрка.

— У любого, — говорю я. — Правда, Алик? Что у вас, в мире кино, думают по этому поводу? Легко выиграть у режиссера?

— Практически невозможно, — отвечает Алик.

— А вот Дима выиграл. Горжусь своим младшим братом. Все бы вы были такими.

— Галка идет, — мрачно говорит Димка и тайком показывает мне: «Заткнись!»

Цок-цок-цок. На каблучках-гвоздиках подходит Галина Бодрова, прелестная девица современной конструкции. Мне очень нравится Галинка. Все светлеет вокруг, когда она появляется. По-моему, даже Димкина физиономия светлеет, когда появляется Галя. Когда-то они дрались здесь же, под этими окнами.

— Привет, мальчики! — говорит Галя. — Здравствуйте, Виктор! — машет мне рукой.

Я улыбаюсь ей. Димка смотрит на меня с угрозой. Он боится, что я продолжу разговор о режиссере.

— У миледи новое платье, — говорит Алик.

— Нравится? — Галка делает круг, как манекенщица.

— Это кстати, — говорит Юрка, — мы сегодня в кафе потянемся.

— Нет, — говорит Галя, — мы пойдем в кино. Я хочу посмотреть новую картину «Весенние напевы».

— Ха! — Алик полон пренебрежения. — Очередная штамповка.

— А я хочу ее посмотреть!

— Алька прав, — говорит Димка, — нечего там смотреть. Сплошные напевы. Хоровые напевы, танцы и поцелуйчики.

— А чего тебе еще надо, Дима? — спрашивает Галя и смотрит на него.

— Мне? — Димка смущен. — Что мне надо?

— А тебе что нужно, Алик?

— Мне нужен психологизм, — обрезает Алик.

Мне становится немного жаль Димку. Алик вот твердо знает, что ему нужно. Психологизм ему нужен. А Димка, бедняга, не знает. Особенно когда Галя вот так смотрит на него.

Юрка вынимает из кармана монету:

— Ну что ж. Кинем?

Монета взлетела вверх почти до моего окна.

— Орел! — кричит Галя.

— Решка! — говорит Димка.

Все бросаются к упавшей монете. Галя весело хохочет и хлопает в ладоши. Ничего не поделаешь: фатум! Придется идти смотреть новую кинокомедию «Весенние напевы», штампованную и лишенную психо-

логизма. Я слышу, как Галя тихо говорит Димке: «Тебе не везет в игре», и вижу, как Димка краснеет. Когда они все проходят под арку, я кричу:

— Дима, ты не знаешь фамилии режиссера этой комедии? Как он в смысле...

Димка выскакивает из-под арки и показывает, как он, вернувшись домой, свернет мне шею.

Сегодня суббота. Я повязываю галстук и отправляюсь на свидание с Шурочкой. Шурочка — это моя невеста. Прошу прощения за несовременный термин, но мне нравится это слово — «невеста».

Я замешкался на углу, и теперь приходится пережидать бесконечный поток машин. А Шурочка уже вышла из метро и стоит на другой стороне. Ловлю себя на том, что опять рассматриваю ее. Определенно она мила, эта девушка в узком красном платье. Чрезвычайно мила и одета со вкусом. Я знаю, что, когда мне не захочется рассматривать ее вот так, словно мы чужие, тогда я на ней женюсь. Черт возьми, долго это будет продолжаться? Жизни нет из-за этих машин. Там, на другой стороне, какой-то длинный сопляк осмотрел Шурочку, словно лошадь, и хихикнул. Подошли еще двое. Я побежал через улицу.

Длинный взял Шурочку за руку, и в этот момент я отшвырнул его плечом.

— Пойдем, Витя, — сказала Шурочка, — пойдем.

Я повернулся к парням. У всех троих вместо галстуков висели на шее шнурки, а один был даже с усами. Мой Димка ни за что не нацепил бы на себя шнурок. Все, что угодно, он может нацепить на себя, но не такую похабную веревочку. Парни смотрели на меня, словно прикидывали, на что я способен. Потом они поскуцнели и равнодушно отвернулись.

Мы входим в парк. Я люблю красные дорожки парка, и его аккуратные клумбы, и фонтаны, и лебедей, люблю ходить по аллеям и останавливаться возле ки-

осков, аттракционами пользуюсь изо всех сил и пью пиво, люблю ходить в парк с Шурочкой.

У входа возле столба с репродуктором стоит толпа. Лица у всех какие-то одинаковые.

— Любого агрессора, проникшего на нашу священную, обильно смоченную кровью землю, ждет плачевная участь. Мы имеем в распоряжении достаточно сил и средств для того, чтобы...

Я слушаю голос диктора и смотрю вокруг на лица людей. Потом смотрю вдаль, где на фоне вечернего неба вращается гигантское «колесо обозрения». В шестидесяти четырех кабинках этого колеса сейчас беспечно хохочут и ойкают от притворного страха люди. Из глубины парка несется джазовая музыка, движется колесо, и движется весь наш шарик, начиненный загадочной смесью. Движется парк, и мы движемся, люди в парке. Там мы смеемся, а здесь мы молчим. Соотношение всех этих движений — попробуй разобраться. Джаз и симфония. Вот оно, наше небо, пригодное для фейерверка и для взлета больших ракет.

Глава II

Я люблю этот город вязевый.
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах, —

вспоминаю я, наблюдая бесконечную карусель машин на привокзальной площади. Отсюда, с моста, виден большой кусок этого «вязевого» города. Вокзал еле успевает откачивать людские волны помпами электричек. Автомобилям несть числа. Площадь слепит огнями, неподвижными и мелькающими, а на горизонте исполинские дома мерцают, как строй широко-

грудых рыцарей. Дремотная Азия! Поэт, вы не узнаете вашего города. Пойдемте по улицам. Вам немного не по себе? Вам страшно? Я понимаю вас. Я понимаю страх и растерянность приезжих на этих улицах. Мне, может быть, самому бы было страшно, если бы я не любил этот город. Именно этот город, который забыл, что он был когда-то тихим и «вязевым».

— Пойдем, — говорит Борис, — что ты оцепенел? Не люблю я, когда ты так цепенеешь.

Мы спускаемся в метро. В потоке людей идем по длинному кафельному коридору. Навстречу нам другой поток. Если прислушаться, шлепанье сотен шагов по кафельному полу напомнит шум сильного летнего дождя. Обычно мы, москвичи, не слышим этих звуков. Для нас это тишина. Мы реагируем только на резкие раздражители. Я мечтаю о дожде, может быть, поэтому я его и слышу. Он настигает совсем недалеко от дачи, и ты таким мокрым чучелом вваливаешься на веранду, где пьют чай. Я мечтаю об отпуске.

Мы выходим на нашей станции. Встаем в очередь к газетному киоску, потом — в очередь к табачному киоску. На площадке возле станции, как всегда вечером, полно молодых ребят. Они сидят на барьере и стоят кучками. Усмехаясь, разглядывают выходящих из метро. Девушкам вслед летят реплики, междометия, иногда посвистывание. Лучшее вечернее развлечение — поторчать у метро.

— Посмотри на них, — говорит Борис, — посмотри на их лица. Просто страх берет.

— Брось! — говорю я. — Нормальные московские ребята. Просто выпендриваются друг перед другом, вот и все.

— Нормальные московские ребята! — восклицает Борис. — Ты считаешь этот сброд нормальными московскими ребятами?

— Конечно! Самые обычные ребята.
— Нет, это выродки. Накипь больших городов.
— Ну тебя к черту, Борька! Димку моего ты, надеюсь, знаешь?

— Ну?

— Смею утверждать, что он самый нормальный московский малый. А он тоже часто торчит здесь, и, если бы ты его не знал, не отличил бы от всех. И в его адрес метал бы свои громы и молнии.

— А что твой Димка?

— Ну, что Димка?

— Он недалеко от них ушел. Тоже хорош твой Димка!

— Ну знаешь, Борис!..

— А что? Скажешь, у Димки есть какие-то жизненные планы, какие-то порывы, есть что-то святое за душой? В голове у него магнитофонные ленты, девчонки и выпивка. Аттестат получил позорный...

— Довольно! — резко обрываю я. — Хватит о нем!

Черт его знает, каким он стал, этот мой друг Боря. Тоже позор! Любит, видите ли, «правду-матку в глаза резать».

Мы подходим к нашему дому. Борис должен взять у меня кое-какие книжки.

— Слушай, — говорю я ему после долгого молчания, — хочешь узнать, о чем думает мой Димка? — Говорю это так, как будто сам прекрасно знаю, о чем он думает. — Посидим у нас в садике минут пятнадцать. Он там в это время всегда бывает. Поговорим с ним.

— Тебя задели мои слова? — спрашивает Борис.

— Чепуха! Все же давай посидим в садике.

Мы входим в наш «патио» и садимся на скамейку в глубине садика, под цветущим кустом сирени.

«Барселона» живет вечерней жизнью, как и все дома в Москве. Всеми тремя этажами, сотней окон она

смотрит себе внутрь. За шторками двигаются люди, наяривают телевизоры.

В противоположном углу двора два приятеля, Гера и Гора, налаживают на подоконнике магнитофон. Сейчас будут оглушать весь двор музыкой. Пока не придет дворник.

Под аркой зажигаются фары. Во двор въезжает новенькое такси. Сгусток энергии и комфорта двадцатого века на фоне наших облупленных стен.

Из дверей выскакивает мастер художественного слова Филипп Громкий со своими элегантными чемоданами.

— Далеко, Филипп Григорьевич? — спрашивает дядя Илья.

— В турне, друзья. Рига, Таллин... На Балтику, друзья.

— Филипп! — кричит наш папа. — Ионами на взморье попользуйся. Подыши как следует. Лучшее лекарство для нас с тобой.

— Что же вы раньше не сказали, Филипп Григорьевич, что в Ригу едете? — обиженно говорит спекулянт Тима.

— Программа у вас та же? Новенькое что-нибудь выучили? — интересуется шофер Петя Кравченко.

— Товарищ Громкий, а за электричество вы заплатили? — светским тоном осведомляется тетя Эльва.

«Барселона» провожает своего любимца, свою звезду. Громкий машет шляпой вокруг. Самый громадный город — это просто тысяча деревень. Ну чем наша «Барселона» не деревня?

Шофер включает счетчик, нажимает стартер. Фыркнув, голубой автомобиль исчезает под аркой. Так каждую весну артист на виду всего дома отбывает «в странствия» по приморским районам. Он будет пересаживаться с самолета в поезд и с поезда в такси, жить в гостиницах, обедать в ресторанах, купаться

в соленых морских волнах и дышать ионизированным воздухом взморья. Осенью он вернется, и жители «Барселоны» будут его приветствовать.

В садике появляется вся Димкина компания и он сам. Я ни разу не видел Галю с подругами. Она ходит только с Димкой, Аликом и Юркой. И ребята не отстают от нее. Трудно понять: ухаживание это или продолжение детской дружбы. Они занимают скамейку недалеко от нас. Нас они не видят или просто не хотят замечать.

Вот уже десять минут Гера и Гора крутят магнитофон, а дворника все нет. Видимо, «Барселону» охватило в этот вечер лирическое настроение.

Джазовые синкопы бьют в землю, точно град, словно отбойный молоток, вгрызаются в стены и взмывают вверх, пытаясь расшевелить неподвижные звезды, подчинить их себе и настраивать попеременно то на лирический, то на бесноватый лад. Три пары остроносых ботинок и одна пара туфелек отбивают такт. Лица ребят нам не видны, они в тени сирени. Их голоса мы слышим только в перерывах между музыкой.

Димка. На Балтику помчался Громкий. Эх, ребята!

Юрка. А что ему не ездить? Жрец искусства.

Алик. Тоже мне искусство! Читать стихи и строить разные рожи. Примитив!

Галя. А почему бы тебе, Алик, не выучить пару стихов? Выучи и поезжай на Рижское взморье.

Димка. Алька и так знает больше стихов, чем самый Громкий из всех Громких.

— Паблито, — призывно поет магнитофонная дева.

— Паблито, — говорит она задушевно.

— Па-аблито! — кричит что есть мочи.

Почему я вдруг решил поговорить с Димкой? Только лишь потому, что меня задела слова Бориса? «Пойдем, ты узнаешь, о чем он думает». Как будто я сам это

знаю. Что я знаю о своем младшем брате? До какого-то времени я вообще его не замечал. Знал только, что с ним хлопот не оберешься. Потом он немного подрос, и мы стали с ним слегка возиться. Но у меня всегда были свои крайне важные дела. И вдруг младший брат приходит и просит на минутку твою бритву. А однажды ты видишь, что он лежит на диване с совершенно потеряннным видом и на твой вопрос бурчит: «Отстань». И как-то раз ты замечаешь его в толпе возле метро. Ты ухмыляешься — «племя младое, незнакомое» — и думаешь: «А может быть, и на самом деле незнакомое?» У тебя наука, диссертация, ты, в общем, на самом переднем крае, а у него аттестат сплошь в тройках. О чем он думает? Мы, Денисовы, интеллигентная семья. Папа — доцент, а мама знает два языка. Димка прочел все, что полагается прочесть мальчику из «приличной» семьи, и умеет вести себя за столом, когда приходят гости. Но воспитали его «Барселона», и наша улица, и наша станция метро. В какой-то мере стадион, в какой-то мере танцевальная веранда в Малаховке, в какой-то мере школа. Звучит кошунственно. Его должна была воспитывать главным образом школа. А брось! Ты сам еще не так давно учился в школе.

— Паблито... — совершенно изнемогая, шепчет магнитофонная дева.

Алик. Я не понимаю, почему стонет Юрка. Все лето будет кататься со сборной, а потом его как выдающегося спортсмена примут куда-нибудь без экзаменов.

Димка. Верно, что ты стонешь? В Венгрию едет, а стонет еще.

Юрка. Галачьян в Венгрию едет, а не я.

Галя. Что ты, Юрик!

Юрка. То, что ты слышишь. Галачьяна в сборную включили. Говорят, он тактику лучше понимает. Конь мой ликует. В институт поступишь, человеком станешь, хватит, говорит, мяч гонять.

Труба. Звук трубы летит в небо. Он стремительно набирает высоту, как многоступенчатая ракета, выходит на орбиту и кружится, и кружится, и замирает, и на смену ему приходит глухой рокот контрабаса. И новые взлеты трубы. И жизнь идет. А Юрку не включили в сборную. Это трагедия, я его понимаю. Гудит саксофон. И жизнь идет. Младший брат недоволен жизнью. Что ему нужно, кроме трубы, контрабаса и саксофона? Попробуй-ка поговорить с ним об этом. Он засмеется: «Чудишь, старик!» — и попросит четвертную. Это очень трудно — иметь младшего брата! Лучше бы мы с ним родились близнецами. Жизнь идет, и трубы сейчас звучат несколько иначе, чем одиннадцать лет назад.

Юрка. Были бы деньги, накирлялся бы я сейчас.

Димка. Только и остается.

Алик. Давай, Юрка, вместе готовиться во ВГИК, на сценарный факультет!

Галя. Лучше готовься вместе со мной на актерский. У тебя такая фигура!

Димка. Я вам советую поступить в Тимирязевку. Говорят, там открылся новый факультет: тореадорский. У Юрки все данные для боя быков. А Галка поступит на пушной, будет демонстрировать шкурки песцов и лисиц. Тоже все данные.

Галя. А ты куда, Димочка? На что ты можешь рассчитывать со своими данными?

Нахальный баритон в бешеном темпе уговаривает девушку. Перестань кукситься, забудь о разных пустяках и целуй меня. Чаще, целуй меня чаще. Только это тебе поможет. Гера и Гора неистовствуют, а дворника все нет. Неужели им удастся докрутить ленту до конца?

Борис рядом со мной молча курит. Я тоже молча курю.

Димка. А в общем, куда нам поступать, решают родители. Ведь это же они, дорогие родители, финансируют все наши мероприятия.

Галя. Представляете, мальчишки, мама мне заявила: или в медицинский, или к станку.

Алик. Родители не могут понять, что нам чужды их обывательские интересы. Даже мой дед и тот гудит день-деньской: сначала приобрети солидную специальность, а потом пробуй свои силы в литературе.

Юрка. А мой конь уже все продумал. Надежды у него мало, что я поступлю, так он уже место мне подыскал для производственного стажа. Учеником токаря на какой-то завод. Дудки я туда пойду. Ишь ты, что придумал: учеником токаря!

Молчание.

Тетя Эльва (*кричит из окна*). Тима, будьте любезны, позовите дворника.

Димка. Все лето в Москве торчат. Эх, ребята!

Снова трубы, саксофоны и контрабас. В освещенное пространство в центре садика выходят, пританцовывая, Галя и Димка. Алик и Юрка хлопают в ладоши.

Из окон высовываются любопытные. Есть на что посмотреть. Димка блестяще танцует. В этом отношении он меня превзошел.

А как все-таки здорово! Сидят детишки и ехидничают, как сорокалетние неудачники, но вот возникает какой-то подмигивающий ритм, и... наш жалкий садик поднимается вверх, повисает над крышами, звезды пускаются вокруг в хороводе. Девушка и юноша танцуют, и весь мир надевает карнавальные маски. Молодость танцует при свете звезд у подножия Олимпа, полосы лунного света ложатся на извивающиеся тела, и пегобородые бойцы становятся в круг, стыдливо прячут за спины ржавые мечи и ухмыляются недо-

верчиво, но все добрее и добрее, а их ездовые уже готовят колесницы для спортивных состязаний. Ребята танцуют, и ничего им больше не надо сейчас. Танцуйте, пока вам семнадцать! Танцуйте, и прыгайте в седлах, и ныряйте в глубины, и ползите вверх с альпенштоками. Не бойтесь ничего, все это ваше — весь мир. Пегобородые не поднимут мечей. За это мы отвечаем.

— Галина! Иди сюда.

У входа в садик стоит Галина мать, инспектор роно.

— Ну что, мамочка? — заранее обиженным тоном говорит Галя и подходит к своей еще молодой и статной, одетой в серый костюм, как и положено инспекторам роно, маме. Та молча вынимает из сумочки платок и сильным злым движением снимает помаду с Галиных губ.

— Опять? Опять устроили дансинг у всех на глазах? Танцуешь с бездельниками, вместо того чтобы заниматься. Куда ты катишься, Галина? На панель? Немедленно домой!

— Совершенно согласна с вами, Зинаида Петровна. — Прямо над ними из окна высунулась тетя Эльва. — Только крутые меры. Надо мобилизовать общественность. А куда смотрит жэк? Вместо того чтобы организовать в нашем дворе разумные настольные игры, викторины, кроссворды, предоставляют поле деятельности двум негодьям с магнитофоном. Отравляют юные души тлетворной музыкой. Тима, вы скажи дворнику?

Тима. Да вот он сам, Степан Федорович.

Дворник (*навеселе*). Герка! Герка! Кончай тлетворную! Гони нашу! «Рябинушку»!

Димка. Тетя Эльва, идемте танцевать! Герка, прибавь звука! Тетя Эльва хочет рок кинуть.

Тетя Эльва. Тима, участкового позовите!

Наша мама. Дмитрий, домой!

Петя Кравченко. Товарищи, у меня завтра зачет по сопромату.

Из-под арки появляется Игорь-Ключник.

Игорь. Граждане, что тут за шум? Что тут за шум, Тимка?

Тима. Кому Тимка, а отбросам общества...

Игорь. Служай ты, несимпатичный хулиган...

Тима. Бросьте, Игорь. Нам ли с вами?

Дядя Илья. Это ж ужас, что за дом! Боже ж мой, что за дом!

Дворник. «Рябинушку»!

Гера (*в микрофон*). Концерт звукозаписи по заявкам жильцов нашего дома окончен. Пишите нам по адресу: «Барселона», радицентр.

Тетя Эльва. Я на вас найду управу, развратники!

И все начинает затихать. Прикрываются окна, расходятся люди со двора. Это обычный воскресный вечер, но я чувствую, что Борис поражен. Наш дом постоянно поражает Бориса. Еще бы, ведь он живет на девятом этаже в могучем доме на Можайке, опоясанном снизу такой массой гранита, которой бы хватило на целую сотню конных памятников.

— Виктор, я, пожалуй, пойду, — говорит Борис.

— Пока, — говорю я, — до завтра.

Прямой и подтянутый идет мой друг Боря, надежда нашей науки. Ничего я ему не доказал. И вообще я, должно быть, никогда ничего ему не докажу.

Димка. Проклятое дупло это, а не дом! Взорвать бы его к чертям!

Алик. Нельзя. Надо его оставить как натуру. Здесь можно снимать неореалистические фильмы.

Юрка. За год четыре дома на нашей улице снесли, а этот стоит.

Димка. И даже не дрожит под ветром эпохи. Эпоха, ребята, мимо идет.

Юрка. Валерка переехал на Юго-Запад. Потрясные дома там. Во дворах теннисные корты. Блеск!

Димка. Взорвем «Барселону»?

Алик. Да нельзя же, я тебе говорю, взрывать такую натуру.

Димка. Сбежим?

Юрка. Окна там, что ты! Внизу сплошное стекло. Модерн!

Алик. Неужели и мы, как наши родители, всю свою жизнь проведем в «Барселоне»?

Димка. Взорвем?

Юрка. Насчет всей жизни не знаю, а это лето точно. Галачьян в Будапешт поедет, а я буду диктанты писать.

Димка. Сбежим?

Юрка. Конь мой ликует...

Димка. Сбежим?

Алик. Куда?

Димка. Куда? Ну, для начала хотя бы на Рижское взморье.

Юрка. То есть как это так?

Димка. А так, уедем, и все. Хватит! Мне это надоело. Целое лето вкалывать над учебниками, и ходить по магазинам, и слушать проповеди. Отдохнуть нам надо или нет? Никто ведь не думает о том, что нам надо отдохнуть. Дудки! Уедем! Ура! Как это раньше мне в голову не приходило?

Алик. А как же родители? Как же мой дед?

Юрка. А мой конь?

Димка. Слезай с коня, иди пешком. Что вы, парни? Мы же мощные ребята, а ведем себя как хлюпики. Вперед! К морю! В жизнь! Ура! Что я думал раньше, идиот!

Алик. А как же мое поступление во ВГИК?

Юрка. А мое в инфизкульт? Это тебе, Димка, хорошо. Ты еще ничего не придумал, куда идти.

Димка. Институт! Смешно. В институты принимают до тридцати пяти лет, а нам семнадцать! У нас в запасе еще восемнадцать лет! Вы себе представляете, мальчишки, как можно провести годик-другой? Мчаться вперед: на поездах, на попутных машинах, пешком, вплавь, заглатывать километры. Стоп! Поработали где-нибудь, надоело — дальше! Алька, вспомни про Горького и Джека Лондона. А для тебя, Юрка, это отличный тренинг. Или вы хотите всю жизнь проторчать в этом клоповнике?

Юрка. Законно придумал, Митька!

Алик. А на какие шиши мы поедем? Денег-то нет.

Димка. Это ерунда. Продадим свои часы, велосипеды, костюмы, у меня немного скоплено на мотороллер. Это для начала. А потом придумаем. Главное — смелость. Прокормимся. Ура!

Юрка. Купите мне ружье для подводной охоты, и уж рыбкой-то я вас обеспечу.

Алик. А я буду продавать стихи и прозу в местные газеты.

Димка. Ну, видите! А я на бильярде подработаю. Значит, едем?

Ребята склоняются друг к другу и что-то шепчут. Алик подбросил монетку и прихлопнул ее на колене. Димка пишет веточкой на песке. Я вижу, как в садик скользнула Галя. Она в стареньком платянце и драных тапках на босу ногу, но, ей-богу, ей не повредило бы даже платье, сшитое из бумажных мешков Мосхлебторга.

— Тише, ребята, — говорит она. — Я на минутку. Значит, едем завтра в Химки? Я скажу, что иду в библиотеку...

— В Химки, — говорит Димка, — в Химки. Ха-ха, она хочет в Химки!

— На нашей планете и кроме Химок есть законные местечки, — говорит Юрка.

— А не хочешь ли ты, Галка, съездить на остров Валаам? — вкрадчиво спрашивает Алик. — Знаешь, есть на свете такой остров!

Ребята загадочно хихикают и хмыкают. Еще бы, ведь перед ними открыт весь мир, а для Галки предел мечтаний — Химки.

— Что это вы задумали? — сердито спрашивает Галя и, как Лолита Торрес, упирает в бока кулаки.

— Сказать ей? — спрашивает Алик.

— Ладно уж, скажи, а то заплачет, — говорит Юрка. Димка кивает.

— Мы уезжаем.

— Что?

— Уезжаем.

— Куда?

— В путешествие.

— Когда?

— На днях.

— Без меня?

— Конечно.

— Никуда без меня не поедете!

— Ого!

— Не поедете!

— Ха-ха!

— Ты без меня поедешь?

— Видишь ли, Галя...

— А ты?

— Я?

— А ты, Димка, без меня поедешь?

— А почему бы и нет!

Ошеломленная Галя все-таки действует с инстинктивной мудростью. Расчленив монолитный коллектив, она отворачивается, топает ногой и начинает плакать. Ребята растерянно ходят вокруг.

— Мы будем жить в суровых условиях.

— В палатке.

— Питаться только рыбой.

— Хочу в суровые условия, — шепчет Галка, — в палатку. Рыбой питаться хочу! Мне надоело здесь. Мама при всех губы стирает. Какие вы хитрые, без меня хотели уехать!

— Постой, а как же театральный факультет? — спрашивает ее Алик.

— А вы как решили с экзаменами?

— Мы решили не поступать.

— Как?

— А вот так. Подбросили монетку, и все. Хватит с нас! Мы хотим жить по-своему. Поступим когда-нибудь, когда захотим.

— Я тоже хочу жить по-своему!

— Ладно, — говорит Димка, — берем тебя с собой. Только не хныкать потом. А в театральный ты все-таки поступишь. В Ленинграде. В конце концов, театральный — это не медицинский. Готовиться особенно не нужно. Глазки, фигурка — это у тебя есть. Вполне достаточно для поступления.

— Смотрите, он сделал мне комплимент! — восклицает Галя. — Слышите, ребята, Димка сделал мне комплимент! Спасибо тебе, суровый Дима.

— Кушай на здоровье. Я сегодня добрый.

— В основном ты прав, Димка, но не совсем, — говорит Алик. — Внешние данные — еще не все. Нужен витамин «Т» — талант. Мне один актер рассказывал, какие к ним применяли пробы. Например, предлагают сказать два слова «хорошая собака» с десятью разными выражениями. Восхищение, презрение, насмешка...

— Давайте Галку проэкзаменуем, — предлагает Димка. — Ну-ка, скажи с презрением: хорошая собака.

Галя (*с презрением показывая на него*). Хорошая собака.

Юрка предлагает ей выразить восхищение.

Галя (*с восхищением показывая на Юрку*). Хорошая собака!

— Ну а теперь... — говорит Алик.

Галя (*с насмешкой показывая на Алика*). Хорошая собака!

Димка (*показывая на Галю*). Ребята, с возмущением!

Все (*с возмущением*). Хорошая собака!

Галя. Хорошие вы собаки, без меня решили уехать!

Мы с Димкой идем по нашей ночной улице. Перешагиваем через лужи возле газировочных автоматов, подбрасывая носками ботинок стаканчики из-под мороженого. Мы с Димкой одного роста, и в плечах он меня скоро догонит.

— План в общих чертах такой, — говорит Димка. — Сначала мы едем на Рижское взморье. Отдохнем там немного — должны же мы, черт возьми, хоть немного отдохнуть! — а потом двинемся пешком по побережью в Ленинград. По дороге наймемся поработать в какой-нибудь рыболовецкий колхоз. Мне один малый говорил, что там можно заработать кучу денег. А потом дальше. Посмотрим Таллин и к августу будем в Ленинграде. Там отдадим Галку в театральный институт, а сами...

— А сами?

— А сами составим новый план.

— Отличный у вас план, — говорю я, — точный, детальный, все в нем предусмотрено. Кончатся деньги, появляется рыболовецкий колхоз. Вы забрасываете невод и вытаскиваете золотую рыбку. Чего тебе надобно, Димче? Прекрасный план!

— А, черт с ними, со всеми этими планами!

Я останавливаюсь и беру брата за лацканы пиджака:

— Слушай, Димка, когда ты был маленьким, я заступался за тебя и никому не давал тебя лупить.

— Ну и что?

— А то, что сейчас мне хочется дать тебе хорошую плюху.

— Попробуй только.

— Фу ты, дурак! — Я машу рукой. — О матери ты не подумал? Что с ней будет, когда ты исчезнешь?

— Поэтому я тебе все и рассказываю. Успокой ее, но, — теперь он берет меня за лацкан, — если ты настоящий мужчина и если ты мне друг, ты не расскажешь ей, где мы.

— Она все равно поднимет на ноги все МВД.

Димка словно глотает что-то и лезет в карман за сигаретами.

— Витя, пойми, я уже все решил, ребят поднял. Нельзя мужчине отступать.

— Мужчина! Убегать из дому принято в двенадцать-тринадцать лет, да и то в детских книжках. А в семнадцать лет — это, старик, нелепо. Прояви свою волю в другом. Попробуй все-таки поступить в институт.

— Да не хочу я этого! — отчаянно кричит Димка. — К черту! Думаешь, я мечтаю пойти по твоим стопам, думаешь, твоя жизнь для меня идеал? Ведь твоя жизнь, Виктор, придумана папой и мамой, еще когда ты лежал в колыбели. Отличник в школе, отличник в институте, аспирант, младший научный сотрудник, кандидат, старший научный сотрудник, доктор, академик... дальше кто там? Всеми уважаемый покойник? Ведь ты ни разу в жизни не принял по-настоящему серьезного решения, ни разу не пошел на риск. К черту! Мы еще не успеем родиться, а за нас уже все продумано, уже наше будущее решено. Дудки! Лучше быть бродягой и терпеть неудачи, чем всю жизнь быть мальчиком, выполняющим чужие решения.

Вот оно что! Тут, оказывается, целая жизненная философия. Вот, значит, как? Ты презираешь меня, Димка? Ты не хочешь жить так, как я? Ты считаешь меня...

Честно говоря, меня совершенно потряс Димкин монолог, и я молчу. Я не чувствую уже превосходства старшего брата. Со страхом я ловлю себя на том, что завидую ему, ему, юноше с безумными идеями в голове. Но что он знает обо мне, мой младший брат?

Мы медленно бредем к нашему дому, заходим под арку и при свете фонаря читаем рукописную афишу:

30 июня 1960 г. во дворе дома № 12

ВЕЧЕР МОЛОДЕЖИ

Программа:

- 1. Встреча с т. Лямзиным Т. Т.*
- 2. Коллективная беседа «Поговорим о личном».*
- 3. Демонстрация к/ф «Микробная флора полости рта».*
- 4. Танцы под баян.*

Димка вынимает карандаш и пишет внизу плаката:

«Танцы откроет тетя Эльва, старая сопящая кобыла».

Ну, тут я не выдержал и дал ему слегка по шее.

Ребята сидят в моей комнате. Когда я вхожу, они даже не меняют поз. В общем-то, как это ни смешно, я дорожу тем, что они меня не боятся.

— Личности, титаны, индивиды, — говорю я им. Смеются. — Пиво, что ли, пили?

Заглядываю под кровать — бутылок не видно. Сажусь на подоконник и закуриваю. За моей спиной двор «Барселоны», и дальше все окно закрыто стенами соседних домов. Неба не видно. Но если сесть спиной на подоконник, можно увидеть небольшой четырехугольник со звездным рисунком. Мне хочется предаться любимому занятию: лечь спиной на подоконник, положить руки под голову, ни о чем не думать и созерцать этот продолговатый четырехугольник, похожий своими пропорциями на железнодорожный билет. Билет, пробитый звездным компостером. Кажется, это есть в каких-то стихах. Никто не знает про этот мой билет. Я никому не говорю про него. Даже не знаю,

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный билет	5
Апельсины из Марокко	206
Победа. <i>Рассказ с преувеличениями.</i>	353
Затоваренная бочкотара	
<i>Повесть с преувеличениями и сновидениями</i>	361